

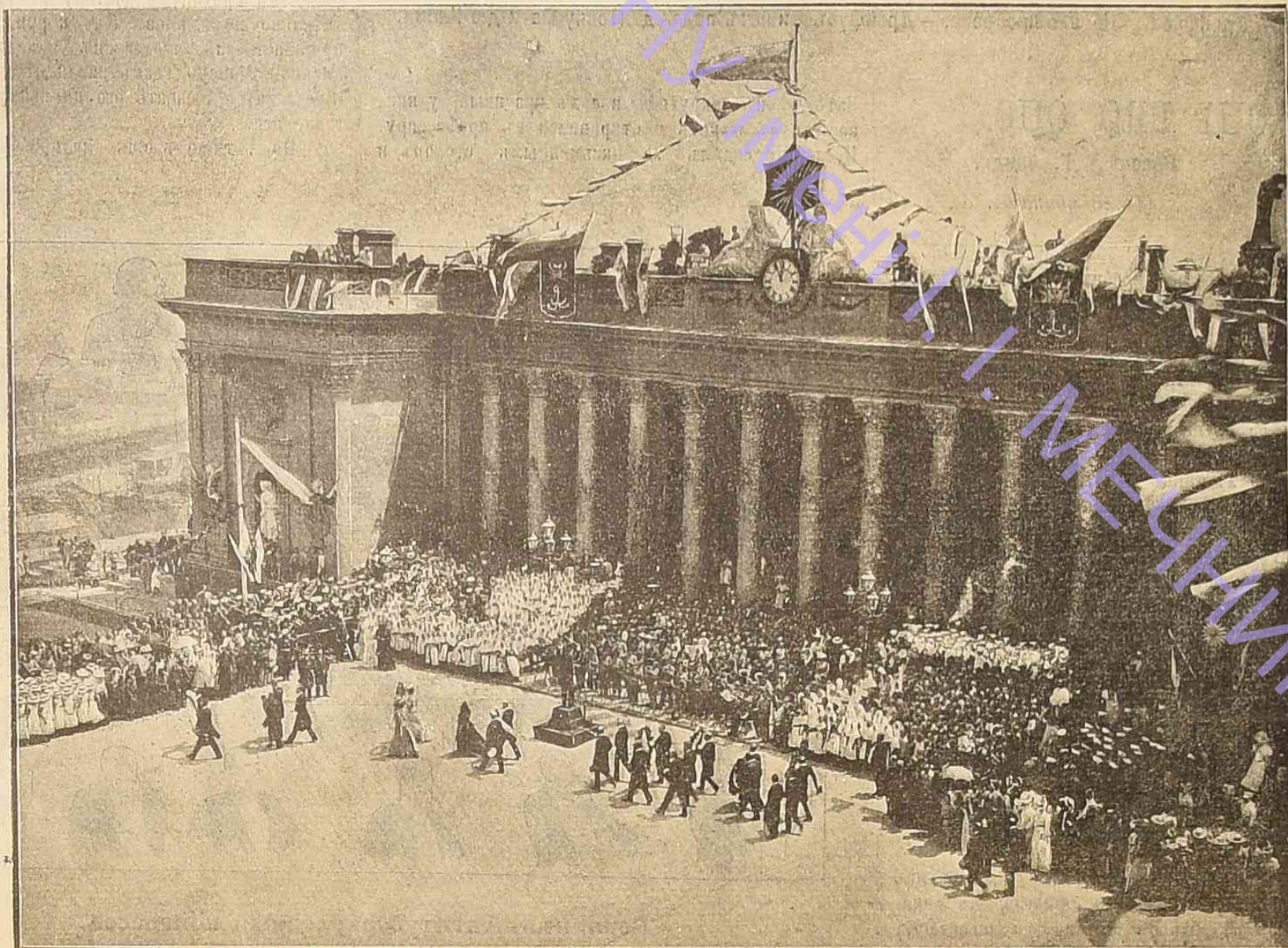
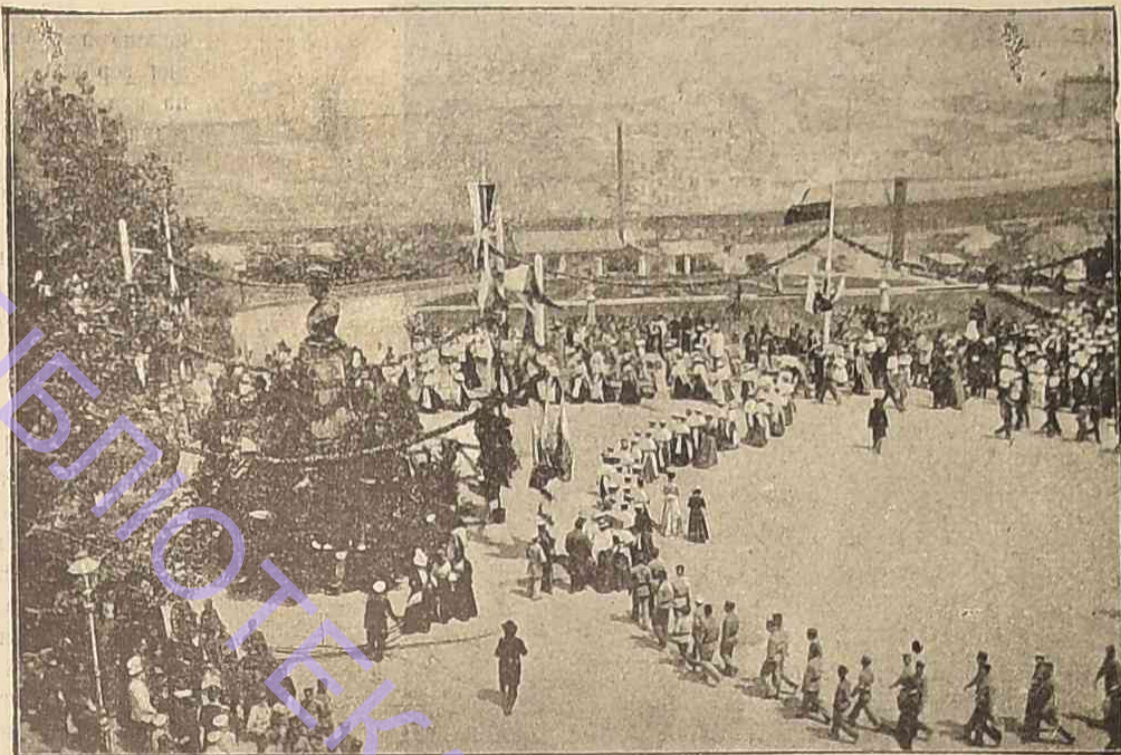
ВТОРОЙ ЛИСТЪ ГАЗЕТЫ

ОДЕСССКІЯ НОВОСТИ

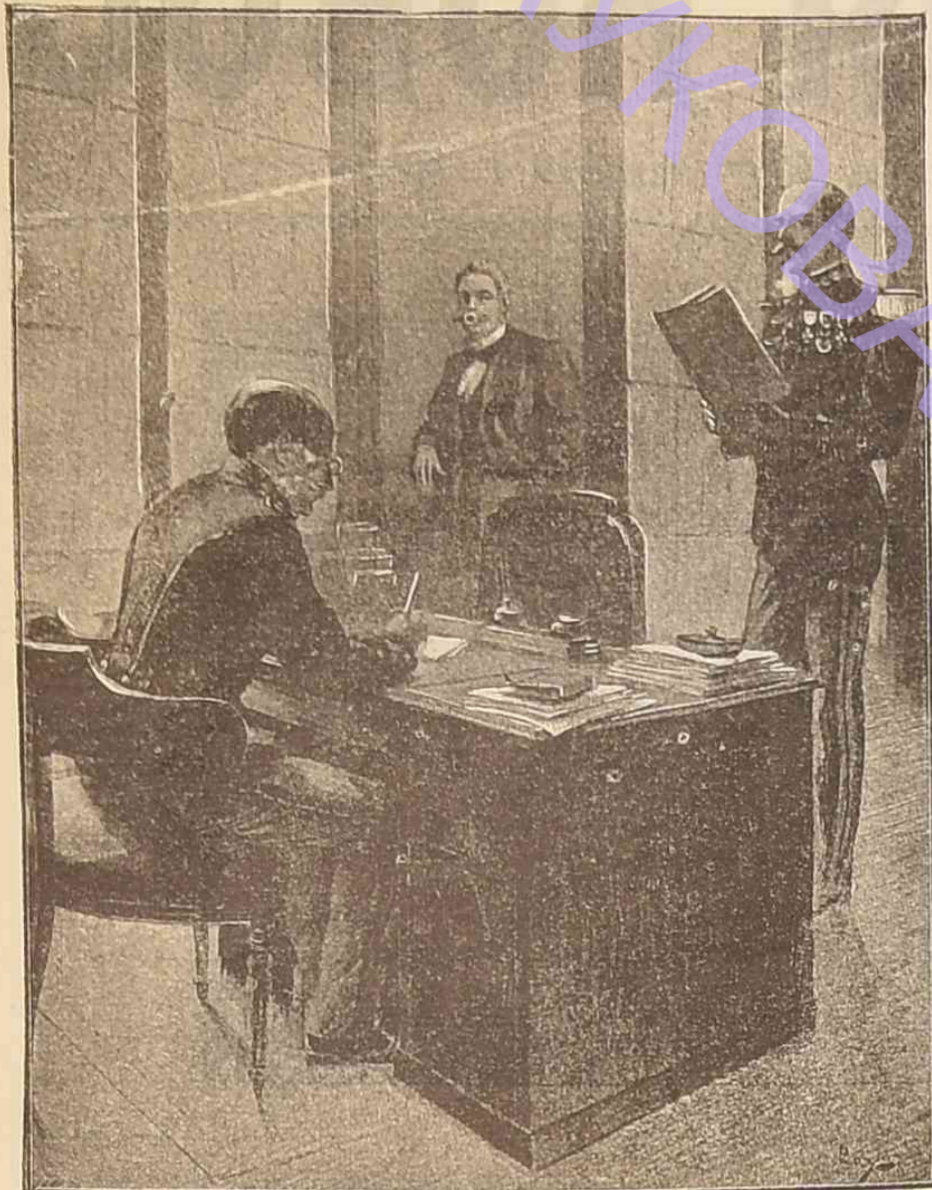
№ 4636.

Воскресенье, 30-го мая 1899 г.

№ 4636.

ОДЕССА.—„Пушкинскіе дни“.—У памятника Пушкина.

Къ дѣлу Дрейфуса.—Начало процесса.—Дрейфусъ гишетъ подѣ диктовку Пати-дю Клама.

QUI PRO QUO.

Разсказъ Г. Ланде.

(Съ нѣмецкаго).

Директоръ лѣчебницы для первыихъ больныхъ во Франкфуртѣ, профессоръ Ларъ, позвонилъ. Въ кабинетъ вошелъ служитель.

— Попрося по мнѣ доктора Штедлера!

Служитель послѣдно оставилъ кабинетъ, пробѣжалъ по устланному ковромъ коридору, поднялся по лѣстницѣ во второй этажъ и постучалъ въ дверь одной изъ комнатъ. Оттуда послышался испуганный женскій крикъ: «ахъ!», затѣмъ суматоха и шепотъ, и, наконецъ, послѣ нѣкоторой паузы, немного смущенный мужской голосъ грубовато отвѣтилъ: „войдите!“

Служитель отворилъ дверь, и вмѣсто него стрѣлой пролетѣла дѣвушка, самая молодая и самая хорошенькая изъ сидѣльскъ, съ раскрасившимися щеками и немного растрепанными волосами. Молодой ассистентъ, сидя спиной къ служителю, рылся въ книгахъ на этажеркѣ и, не оборачиваясь, спросилъ его:

- Что вамъ нужно?
- Профессоръ проситъ васъ къ себѣ.
- Хорошо.

Докторъ подошелъ къ зеркалу, вынулъ изъ кармана голубую щеточку и привелъ въ порядокъ свою нѣсколько спутанную шевелюру.

Затѣмъ онъ закрутилъ вверхъ красивые ушки, застегнулъ жакетъ и отправился къ профессору. Последний сидѣлъ за письменнымъ столомъ и

движеніемъ руки указалъ на стулъ своему младшему ассистенту.

— Вы написали исторію болѣзы и редактора Гейница?

— Да, профессоръ. Я уже утромъ отослалъ ее въ болѣзненную контору.

— Тако было, она должна находиться между сегодняшними бумагами.

Профессоръ порылся въ лежанкѣ на столѣ пачкѣ и вынулъ одинъ листъ.

— Ага, вотъ она, — сказалъ Ларъ. — Надѣвъ пенсизъ и пробѣгая рукопись. — Гмъ... гмъ... Бѣлая горячка... привычный пильница... третій разъ на пильничей... гмъ... гмъ... да... отлично. Сегодня отправляю эту штуку. Хорошо. — Такъ скажите: Гейница нужно отвезти завтра въ водолѣчебницу въ Фербердорфъ. Вы будете его сопровождать. Теперь у него тихій періодъ. Сегодня утромъ я говорилъ съ нимъ, онъ согласенъ. Вы должны быть ему только товарищемъ въ пути. Предоставьте ему дѣлать все, что онъ хочетъ. Только не позволяйте ему ни въ какомъ случаѣ пить ни одной капли спиртныхъ напитковъ.

— Хорошо, господитъ профессоръ.

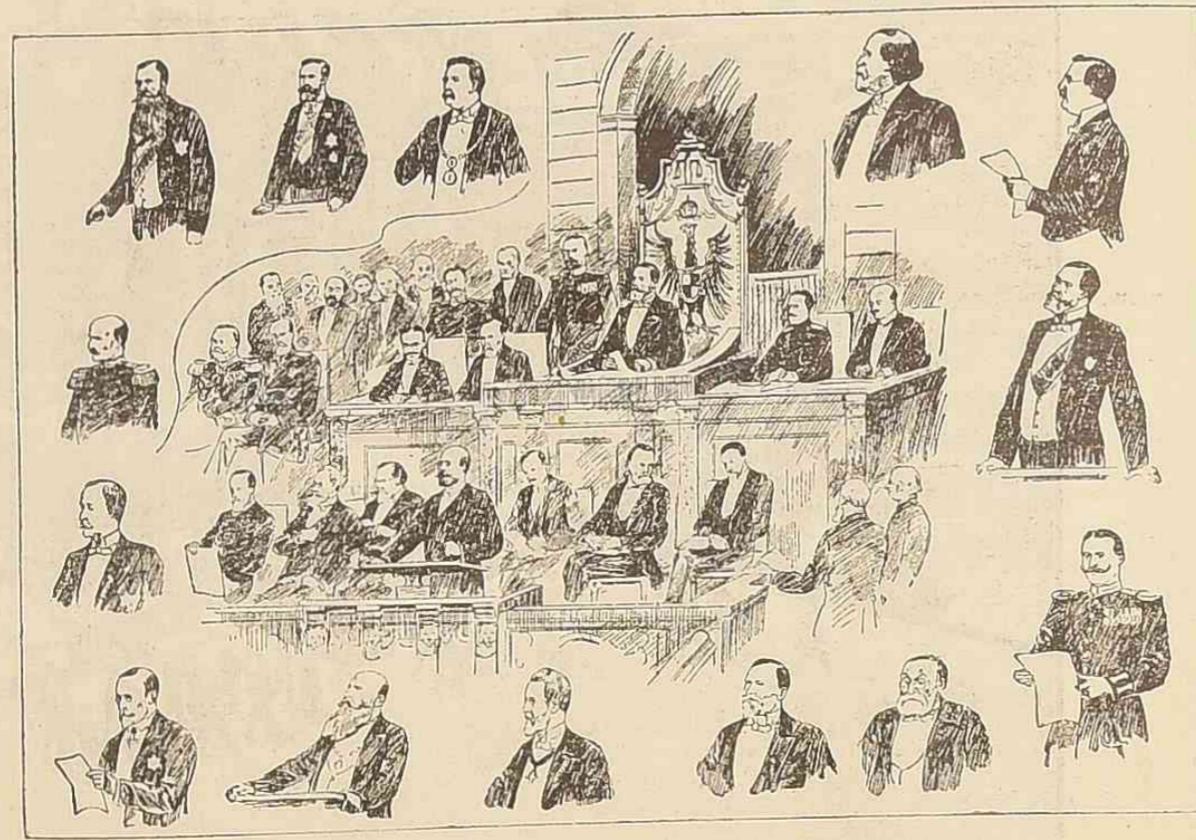
— Въ 11 час. 10 мин. утра вы будете въ Берлинѣ. Отправляйтесь немедленно на штеттинскій вокзалъ, откуда поѣздъ отойдетъ, правда, только черезъ полтора часа. Не заходите ни въ вокзальный ресторанъ, ни въ пассажирскую залу. Пищу и безвредные напитки вы возьмете съ собою отсюда. На вокзалѣ въ Ораніенбургъ васъ будетъ ожидать экипажъ фербердорфской водолѣчебницы, который черезъ двадцать минутъ доставитъ васъ на мѣсто.

— Хорошо.

— Плакъ, вы позвали меня. Я совѣтую вамъ этотъ часъ, который останется у васъ по переездѣ на штеттинскій вокзалъ, провести на платформѣ. Плакъ — счастливаго пути.

Онъ протянулъ доктору руку, который почтительно пожалъ ее. Въ коридорѣ Штедлеру пришла мысль, что можно немедленно послать письмо «Мопсу» (такъ звали студента, товарища Штедлера) и вызвать его на вокзалъ на эти полтора часа...

Но... тише вѣдешь — дальше будешь... Сперва

Берлинъ.—Антитуберкулезный конгрессъ.

онъ хотѣлъ еще разъ взглянуть на пациента. Проходя мимо стеклянной двери читальни, онъ увидѣлъ Гейница за газетой. Докторъ пошелъ. Гейница вскопчилъ и послѣдно поговорилъ.

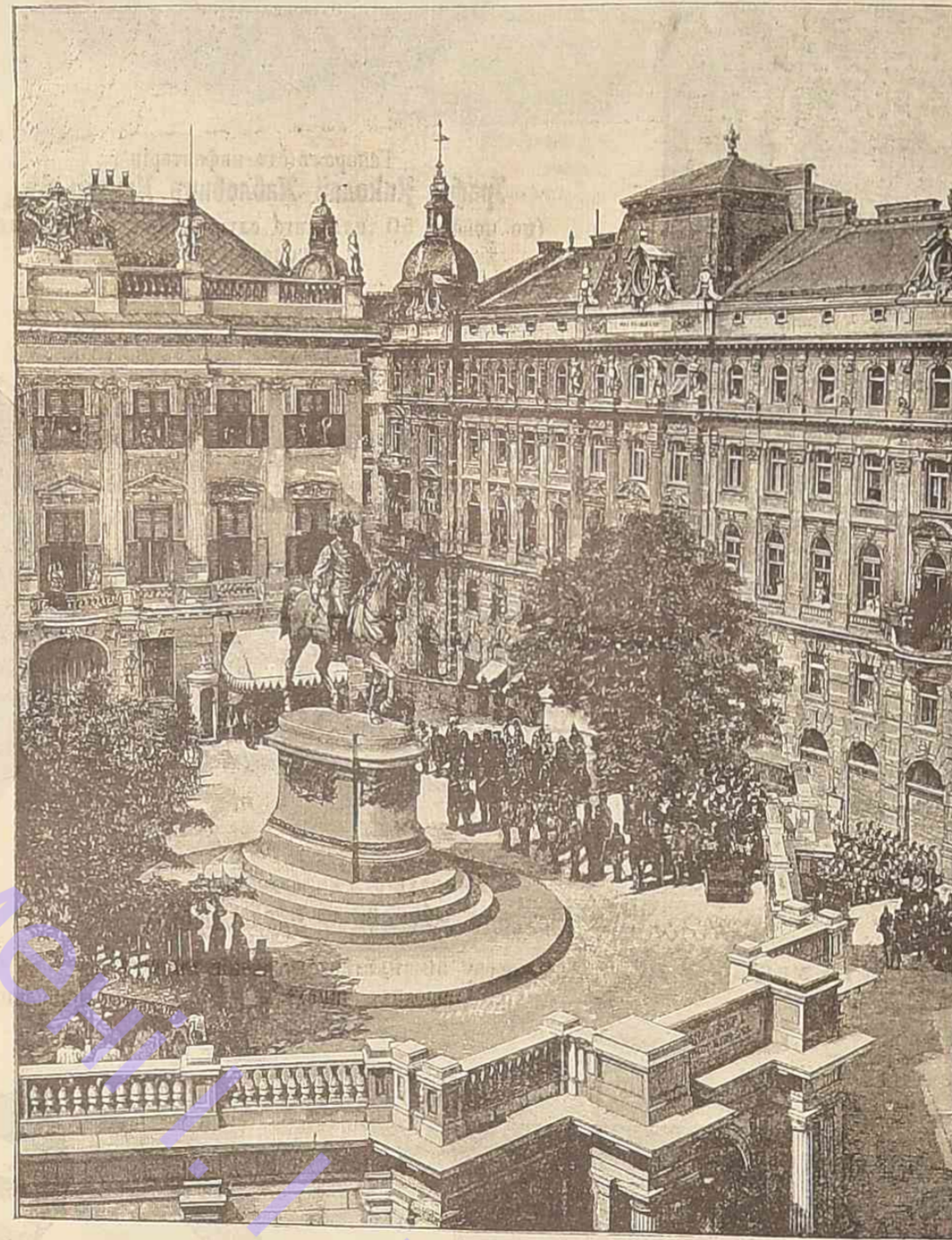
— Стало быть, завтра утромъ?

— Вы уже знаете, что я...

— Да, докторъ. Но вы не безпокойтесь. Я не привычно вамъ никакъ хлопотъ. Я самъ очень желаю отправиться въ водолѣчебницу. Хоти и считаю себя уже совершенно здоровымъ, однако не прощай, чтобы тамъ на меня «навели послѣднюю политуру».

— И вы дадите мнѣ честное слово, Гейница?

Такъ какъ завтра я везу одну старую пьяную душу на покаяніе въ водолѣчебницу и на этомъ пути пролѣзю черезъ содомскій градъ Берлинъ, то мое психіатрическое сердце исполнено было несказанной радости, если бы я могъ увидѣть тебя, дѣлающего предвѣтателя нашего землечества и пожать твою мощную десницу. Я съ своимъ многорышнымъ сзутникомъ около полонины двенадцатаго прибуду на штеттинскій вокзалъ, гдѣ мы могли-бы съ тобой обсудить планъ основательной пирушки, которую я хочу устроить съ нашими «земляками» на обрѣзномъ пути изъ водолѣчебницы. Ахъ, если бы и могъ

Вѣна.—Памятникъ эрцгерцогу Альберту.

— Въ чѣмъ?
— Что вы по дорогѣ ни въ какомъ случаѣ не будете пить спиртныхъ напитковъ?
Гейница провелъ своей тощей рукой по высокому, изборожденному морщинами лбу и, смотря къ упору на доктора, сказалъ:
— Я даю вамъ честное слово.
— Отлично.
Докторъ поспѣшилъ въ свою комнату и немедленно набросалъ слѣдующее письмо:
«Милѣйшій Мопсъ, дорогой мой другъ!

каждую недѣлю производить вывозъ этого «пьянаго товара», чтобы хоть на время покидать свое скучное гнѣздо добродѣтели! Addio, mio caro! Твой Пузырь.
Это письмо въ тотъ же вечеръ ходило по рукамъ «земляковъ» Штедлера, собиравшихся ежедневно, по обычаю нѣмецкихъ студентовъ, въ ресторанъ.

Отъѣздъ доктора и пациента прошелъ ровно и гладко. На полкѣ вагона пожелалъ сумка съ провизіей и три огромныхъ охотничьихъ флажъ

Рельефный портретъ Йоганна Штрауса.

съ водою. Когда одинъ изъ пассажировъ откупорилъ бутылку съ коньякомъ и «дернулъ» изъ нея изрядную рюмку, докторъ Штедлеръ посмотрѣлъ на него почти ждими глазами, между тѣмъ какъ пациентъ, не обращая на это никакого вниманія, продолжалъ разливать передъ докторомъ свои политическіе взгляды.

— Видите, докторъ, — говорилъ онъ, — если бы правительство осуществило ил практичѣ идею социализма...

— Чертъ возьми, — прервалъ его докторъ, — какіа проклята жаръ! И что за пылъ, на этихъ желѣзныхъ дорогахъ!

Онъ крикнулъ, какъ будто у него въ горлѣ застрялъ репей.

— Не хотите ли глоточекъ воды? — спросилъ Гейница, предупредительно подымавъ съ мѣста и доставая одну изъ флажъ, которыя докторъ сегодня утромъ въ его присутствіи наполнилъ свѣжей колодезной водою.

† Роза Бонеръ, знаменитая французская художница.

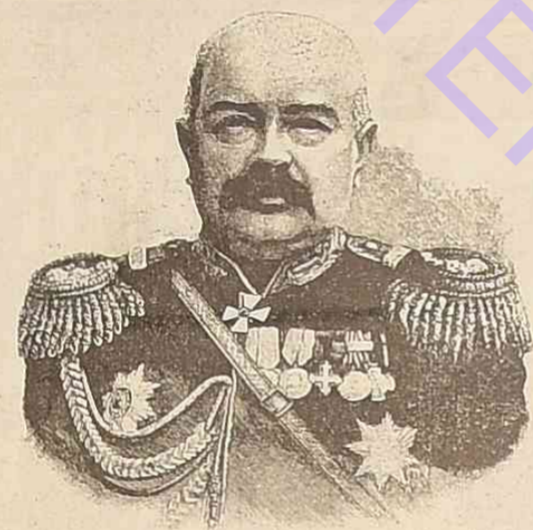
ОДЕССА.—Памятникъ Пушкина въ день 26-го мая 1899 г.

Генералъ-отъ-инфантеріи
Графъ Николай Павловичъ Измайловъ,
(по поводу 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ).

Генералъ-отъ-инфантеріи
А. В. Комаровъ I-й,
(по поводу 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ).

Генералъ-отъ-инфантеріи
Михаилъ Ивановичъ Драгомировъ,
(по поводу 50-лѣтняго служенія въ офицерскихъ чинахъ).

Профессоръ-геологъ
А. А. Иностранцевъ,
прибывшій въ Одессу для изслѣдованія оползней.

Жападеміе на президента французской республики Э. Луэа на скачкахъ въ Отейль.

† **Йоганнь Штраусъ**, „король вальсовъ“.

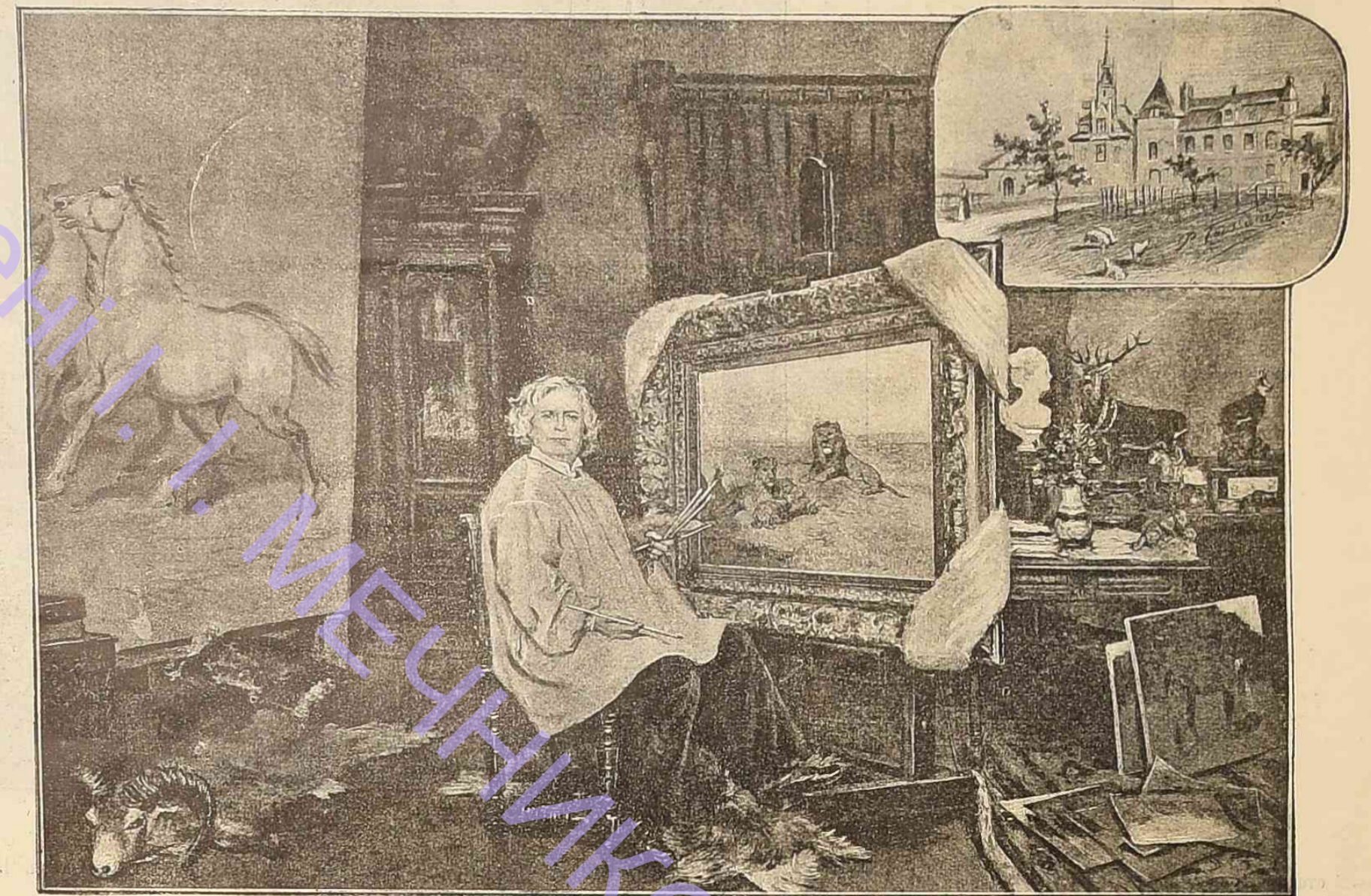
Балло-Бопра,
членъ-докладчикъ кассационнаго суда по дѣлу Дрейфуса.

Процессъ Дрейфуса въ кассационномъ судѣ.—Членъ-докладчикъ Балло-Бопра, читающій свой докладъ.

Процессъ Дрейфуса въ кассационномъ судѣ.—Ложа журналистовъ.

Роза Бонеръ въ своей мастерской.

† Эмилио Кастеларъ,
испанскій политическій дѣятель.

Докторъ поднялъ руки съ растопыренными пальцами, какъ-бы отстраняя явившееся передъ нимъ привидѣніе, и сказалъ недовольнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, благодарю васъ!
Легкая намышленная улыбка пробѣжала по бородавчатому лицу пациента. Почти демонстративно

Статуя Гельмгольца,
въ саду Берлинскаго университета.

отвѣтилъ онъ блестящимъ никелевымъ стаканчикомъ съ флаги, налилъ въ него воды и вынулъ съ такимъ выраженіемъ удовольствія, какъ будто хотѣлъ послужить живой иллюстраціей для изре-

Діего Веласкецъ,
(по случаю 300 лѣтъ со дня рожденія).

ченія древняго Пиндара, говорившаго, что «вода всего лучше».

Докторъ удивленнымъ и недоумывающими глазами смотрѣлъ на манипуляціи Гейница. Черезъ часъ оживленной бесѣды они прибыли въ Берлинъ. Штедлеръ, стоявшій у окна вагона, громко вскрикнулъ отъ радости, такъ какъ плат-

Банкетъ, данный нидерландскою королевою членамъ конференціи мира въ Гаагѣ.

Герцогъ Абрुцкій,
предпринявшій путешествіе на сѣверъ.

Профессоръ Натгорстъ,
стоящій во главѣ новой полярной экспедиціи.

† Шарлотта Гризи,
знаменитая итальянская балерина.

глазами сталъ осматривать платформу. Въ ту же минуту съ громкимъ крикомъ радости бросился онъ къ Гейницу, который спокойно оберегалъ ихъ проиантъ. Когда начался великій военный совѣтъ, во время котораго Моисъ, какъ парламентаръ, бѣгалъ отъ Штедлера къ «землякамъ» и обратно.

— Ну, пузари, мы приглашаемъ тебя выпить съ нами «кружечку».

— Водоръ! Черезъ подтора часа отходить нашъ поѣздъ.

— Намъ нужно только три четверти часа.

— Нездан. Хотя я и умирю отъ жажды, однако мой пациентъ...

— Бери его съ собой...

— Ни въ какомъ разѣ. Онъ не долженъ пить пива.

— Можетъ получить вина...

— Также нездан.

— Ну, такъ зельтерской.

Штедлеръ стоялъ безпомощный, въ его подвижномъ лицѣ видна была сильная душевная борьба.

— Ну, иди же. Нечего топорщиться!

Штедлеръ поднялъ голову и геройскими шагами подошелъ къ Гейницу. Онъ сталъ что-то быстро говорить ему. Когда нетерпѣливый Моисъ подошелъ къ нимъ, то услышалъ только слѣдующія слова:

— Такъ, Гейницъ, вы дадите мнѣ слово не пить ничего, кромѣ зельтерской.

— Вѣдь я уже далъ его вамъ, докторъ!

Черезъ пять минутъ «земляки» уже сидѣли въ своемъ ресторанѣ. Почетныя мѣста занимали докторъ и его спутникъ, который былъ представленъ честной компаніи, какъ врачъ и ревностѣйшій проповѣдникъ трезвости. Благодаря этому, появились бутылки съ зельтерскою водою на столѣ «земляковъ», обыкновенно встрѣчаемое очень ядовитыми шутками, на этотъ разъ не гызало никакихъ полозрѣній.

Началось шумное чванье кружками. Сначала докторъ не выускалъ изъ глазъ своего спутника, который «желаетъ показать ему свое личное заведеніе, находящееся недалеко отъ Берлина», но потомъ, выпивши нѣсколько позныхъ кружекъ за здоровье «земляковъ», онъ пришелъ въ самое блаженное настроеніе. Между тѣмъ какъ Гейницъ пилъ свою воду и въ замешной рѣчи доказывалъ недавно прѣзвращенію на государственномъ экзаменѣ медичу необходимость воздержанія и пагубное дѣйствіе алкоголя, всталъ Моисъ и объявилъ ликующей компаніи, что завтра въ шесть часовъ вечера въ честь мнѣйшаго Пузаря, по случаю его проѣзда черезъ Берлинъ, долженъ быть устроенъ торжественный

пиръ. Штедлеръ, находившійся уже въ самомъ восторженномъ состояніи, тотчасъ принялъ предложеніе. Затѣмъ поднялся Гейницъ и попросивъ при бурныхъ апплодисментахъ слова, сталъ благодарить за оказанное ему гостепримство. Хотя его не приглашаютъ къ предполагаемому на завтра торжеству, однако онъ видать въ этомъ фактѣ только любезное вниманіе, оказываемое его научнымъ и житейскимъ взглядамъ. Тѣмъ не менѣе онъ проситъ позволенія, въ слѣдующій прїездъ въ Берлинъ, опять посѣтить почтенную компанію и с.флатъ, колотъ быть, безплодную, но серьезную попытку обстоятельно выяснить имъ свой медицинскій «символъ вѣры» и отклонить ихъ отъ употребленія пагубнаго пива. «Зельтерская вода должна быть нашимъ національнымъ напиткомъ!» Этого девиза свой онъ провозгласилъ при громкомъ одобреніи «земляковъ» и закончилъ напоминаніемъ доктору Штедлеру о томъ, что давно пора ѣхать на вокзалъ, такъ какъ поѣздъ отходить черезъ всемя минуту.

Выпивка тотчасъ прекратилась, и черезъ нѣсколько секундъ длинный поѣздъ «земляковъ» на пятнадцати вагоныкахъ мчался по улицѣ.

Въ первыхъ дрожжахъ сидѣли Моисъ и Пузари, во вторыхъ Гейницъ и его медикъ. Когда веселая команда вышла на платформу вокзала, и Гейницъ спросилъ сторожа, «гдѣ поѣздъ въ Ораніенбургъ?», тотъ показалъ на исчезавшее вдаль облако дыма и сказалъ коротко: «онъ онъ!» Ничего болѣе не оставалось, какъ устроить импровизированную пиршину въ пассажирской залѣ и ждать слѣдующаго поѣзда, который отходилъ черезъ часъ, тѣмъ болѣе, что была адская жара, и невозможная жажда мучила «земляковъ».

Доктора Штедлера, видимо, ничуть не беспокоило то, что онъ опоздалъ на поѣздъ. Когда Гейницъ выразилъ сожалѣніе, заставуль ли они на станціи ферберсдорфскій экипажъ, когда прїѣдутъ часомъ позже, докторъ отвѣтилъ коротко:

— Разумѣется, онъ, конечно, подождетъ.

На этотъ разъ врачъ сидѣлъ рядомъ съ своимъ пациентомъ, и когда лэкей подошелъ къ нимъ, Штедлеръ заказалъ двѣ кружки. Гейницъ тотчасъ остановился его:

— Значитъ, вы хотите, чтобы я нарушилъ свое слово?— воскликнулъ онъ.

— Ахъ, да,— сказалъ Штедлеръ и усталой рукою отеръ потъ,— такъ принесите кружку пива и бутылку зельтерской.

(Окончаніе слѣдуетъ).

форма вокзала похожа была на роскошный лугъ. Длиннымъ рядомъ, въ зеленыхъ шапочкахъ *), стояли передъ нимъ все его «земляки», и когда онъ увидѣлъ своего бывшаго предсѣдателя, а теперь «старика» въ окнѣ вагона, то раздалось такое громкое «ура», что началъ стѣнать съ отчаянными жестами бросился къ студентамъ, и его красная шапка между зелеными казалась одинокимъ макомъ въ цвѣткѣхъ среди густой травы. Тогда докторъ бросилъ безпомощный взглядъ на своего пациента. Что теперь было дѣлать? Но цѣлаго времени оставалось у него для размышленія: дверь купе растворилась, доктора выхватили изъ вагона, и начался бурный привѣтствій. Въ одно мгновеніе Штедлеръ былъ окруженъ толпой «земляковъ», которые засыпали его тысячею вопросовъ, восклицаній и шутокъ. Вдругъ Штедлеръ зарогнулъ отъ страха, съ невольнымъ восклицаніемъ «чортъ возьми» пропалъ «кружачиную» его «дѣль» «земляковъ» и послѣднимъ уласа

* Студентскія корпораціи въ Германіи различаются между собою цвѣтомъ ладенковыхъ желтокодонныхъ шапочекъ съ крошечными кезырями на

ПОСЛѢДНІЯ МОДЫ.

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОУ ІМЕНІ ЛЕВЧЕНКО МЕННИКОВА

Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ.

Редакторъ-издатель А.П. Старковъ.

Дозволено цензурою: Одесса, 29-го мая 1899 года.

Редакторъ В. В. Васильковскій.

Типографія „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская ул. д. Бубы.